

Торстейн Веблен

ПОЧЕМУ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ?

Недавно де Лапуж <M.G. de Lapouge> сказал: «Антропология призвана осуществить в политических и социальных науках революцию, по своей радикальности сравнимую с переворотом, который бактериология произвела в науке медицинской»¹. В отношении экономической науки известный антрополог неодинок в своем мнении: эта дисциплина нуждается в реабилитации. Как критика, так и пожелания, содержащиеся в высказывании Лапужа, находят отклик у многих антропологов, а также у ученых, ведущих исследования в смежных областях. Можно сказать, что многие исследователи, занимающиеся серьезной работой в современной антропологии, этнологии и психологии, равно как и в собственно биологической науке, единодушны во мнении, что экономика безнадежно отстала от времени и не в состоянии работать со своим предметом на уровне требований к современной науке. Другие социальные и политические дисциплины заслуживают тех же упреков, и, пожалуй, с не меньшими основаниями. Было бы неверным утверждать, что экономисты глухи к этим упрекам. Сегодня, вероятно, ни один экономист не осмелится или не пожелает утверждать, что наука достигла должной степени строгости как в том, что касается получаемых результатов, так и в отношении фундаментальных характерис-

Перевод выполнен по: *Veblen T. Why Is Economics not an Evolutionary Science? // The Quarterly Journal of Economics. 1898. July. P. 373—397.*

¹ *Lapouge M.G. de. The Fundamental Laws of Anthro-sociology // Journal of Political Economy. 1897. P. 54* (по сути, эта же статья публиковалась в: *Rivista Italiana di Sociologia. 1897. Nov.*).

тик теории. В настоящее время подобные идеи, пожалуй, более всего близки такому известному экономисту, как профессор Маршалл, который полтора года назад выразил соответствующую позицию в своем Кембриджском обращении². Однако его высказывания так далеки от самоуверенной риторики, с которой выступали экономисты-классики полвека назад, что читателей обращения профессора Маршалла более всего изумляют чрезмерная скромность и неуместная сдержанность оценок, с которой выступает представитель «старого поколения». По поводу экономистов, на способность которых указать путь другим возлагаются наибольшие надежды, следует заметить, что их неуверенность относительно результатов прошлых и качества настоящих исследований, а также относительно перспектив научного поиска настолько широко распространена, что сомнения подобного рода можно считать обоснованными. Даже историческая школа, новаторство которой некоторое время назад вызывало такое обилие доморощенных похвал, оказалась неспособной выдержать темп, ею самой же заданный.

Люди науки, с гордостью именующие себя «современными», упрекают экономистов в том, что те по сей день довольствуются совершенствованием структуры, доктрин и максим, базирующихся на понятиях естественного права, утилитаризма и целесообразности. Эта критика не вполне заслужена, но достаточна, чтобы задеть экономистов. Так называемые «современные» науки являются эволюционными дисциплинами, и их адепты не без самодовольства подчеркивают это обстоятельство. Экономисты признают: их наука не относится к разряду эволюционных; с завистью и с ощущением бесперспективности состязания взирают они на соперников, выставляющих напоказ свое соответствие «современному уровню».

Вопрос о том, чего именно недостает политическим и социальным наукам, в том числе экономике, чтобы стать эволюционными, весьма непросто. По крайней мере сколько-нибудь удовлетворительных ответов на него критики этих наук не предлагают. Представители успешных соперников этих наук, в том числе занятые изучением природы человека, заявляют, что главным отличием их

² См.: *Marshall A.* The Old Generation of Economists and the New // *The Quarterly Journal of Economics.* 1898. Jan. P. 133.

подходов является реалистичность: они имеют дело с фактами. Но в этом смысле экономическая наука тоже реалистична: она работает с фактами, причем часто весьма скрупулезно, а в последнее время все более настойчиво подчеркивает исключительную важность работы с фактическим материалом. Но подобный «реализм» не делает экономическую науку эволюционной дисциплиной. Настойчивое подчеркивание значения работы с фактическими данными едва ли способно поднять ее на уровень выше того, что был достигнут первым поколением исторической школы; вместе с тем ни одно из направлений экономики не было столь далеко от требований эволюционной науки, как направление, вышедшее из исторической школы. Огромная эрудиция и широта исследований представителей этой школы не смогли сделать из нее науку, поскольку, будучи последовательными, они довольствовались расчетами и описаниями процесса промышленного развития, не пытаясь при этом предложить теоретическую концепцию или обобщить результаты своих изысканий до уровня научного знания.

Любая эволюционная наука, напротив, привержена теории. Это теория процесса, теория развертывающейся последовательности событий. С данной точки зрения экономика, казалось бы, соответствует требованиям, но это все равно не убеждает ее критиков. Следует согласиться, например, с тем, что выдвинутые Джоном Стюартом Миллем доктрины производства, распределения и обмена являются теориями определенного экономического процесса и что он скрупулезно и плодотворно рассматривает последовательности событий, которые и составляют предмет его исследований. Так и работы Джона Кэрнса о нормальной ценности <value>, о заработной плате и международной торговле служат прекрасными примерами теоретического осмысления экономических процессов как последовательного и упорядоченного развития событий. Но попытка упоминания Милля и Кэрнса в качестве представителей эволюционной экономики если и может вызвать какую-то реакцию, то только недоумение. В этом же ключе и с похожим результатом можно говорить и о значительной части работ по теории денег. Нечто подобное верно даже и в отношении недавних работ тех авторов, которые открыто признали, что разделяют точку зрения эволюционной экономики; например, таких, как профессор Хэдли, работы ко-

торого известны своим бесспорно высоким научным уровнем и исключительной широтой. В известной мере Хэдли придерживается заявленных позиций, однако утверждение, что его «Экономика» переводит политическую экономию в разряд эволюционной науки, не было бы убедительным ни для самого автора, ни для его аудитории. Примерно то же самое вполне можно сказать и об опубликованных в последнее время работах группы английских экономистов, в качестве наиболее ярких представителей которой можно назвать профессоров Каннингхэма и Эшли, а также господина Кэннана.

Наука может по праву гордиться достижениями последних поколений экономистов-классиков; однако и их работы не вполне удовлетворяют требованиям эволюционной науки, причем не потому, что эти ученые не смогли предложить теорию процесса или причинно-следственных связей, лежащих в основе развития, а потому, что они сформулировали основы своей теории в понятиях, чуждых эволюционному образу мышления. Различие между эволюционными и доэволюционными дисциплинами состоит вовсе не в том, какое значение придается работе с фактическим материалом. Огромная и плодотворная работа по сбору и упорядочению фактического материала проводилась в естественных науках задолго до того, как последние приобрели черты, характерные для эволюционной науки. Не связано это различие и с отсутствием в доэволюционный период попыток сформулировать и объяснить логику процесса, последовательность, рост, развитие. Усилия такого рода, многократные и многообразные, предпринимались; многие схемы развития, отличавшиеся большой изощренностью и стройностью, приобрели известность в качестве теорий развития органической и неорганической природы, а также *стран и народов*. Не вполне верно и то, что, формулируя теории и сводя получаемые данные к категории знаний, экономисты старшего поколения прошли мимо причинно-следственных связей. Просто термины, которые ранее принимались как строгие научные понятия, несколько отличались от тех, что используются сейчас. Термины, в которых два-три поколения назад исследователи формулировали фактическое знание, на заключительных стадиях анализа отличались от терминов, в которых формулируют свои результаты представители современных эволюционных дисциплин. Различны как исходные основы анализа, так и требования к его завершенности или полноте.

Разница (между эволюционным и доэволюционным подходами) заключается в мировоззренческих позициях или точках зрения ученых разных поколений. Иными словами, это разница в способах оценивания фактов, или в характере научного подхода к этим фактам. Ученые, принадлежащие и к старшему, и к более молодому поколениям, в качестве таковых оснований рассматривали каузальные связи, которые, как они считали, существуют между фактами. В наибольшей степени это присуще естественным наукам. Но в том, что касается более глубоких вопросов, а именно логики причинно-следственных связей при формулировке конечных результатов исследований, позиции старшего и молодого поколений расходятся. Современный ученый не считает возможным отказаться от проверки каузальных связей или количественных закономерностей. Когда он задается вопросом «почему?», ответ должен формулироваться в категориях причин и следствий. Современный ученый стремится свести решения всех проблем к понятиям сохранения энергии, неизменности количества и т.п. Это его последнее прибежище. И именно *на этом уровне* в наши дни стали возможными разработки схем развития и теорий единого процесса на основе понятия кумулятивной каузальности. Большая заслуга лидеров эволюционного направления — если они вообще имеют большие заслуги в качестве лидеров — состоит, с одной стороны, в том, что они не ушли от исследования обезличенных последовательностей явлений и перестали пытаться найти высшие основания для завершающего синтеза, и, с другой стороны, в том, что они показали, как благодаря своему кумулятивному характеру эта обезличенная последовательность причин и следствий может приобрести очертания теории.

Для ранних ученых-естественников, так же как и для экономистов-классиков, основа причинно-следственных связей не была точно определена. Механистические формулировки не удовлетворяли их представлениям об истинности и реальности. В основе их подхода к систематизации знания лежало представление о *естественном законе*. По их ощущениям, естественный закон осуществляет своего рода коэрцитивный надзор за последовательностями событий и повсеместно придает устойчивость и смысл причинным связям. Чтобы соответствовать высоким стандартам классики, последовательность явлений, и в особенности процесс развития, должны рассмат-

риваться в их устремленности к некоторой цели, соответствующей духовным требованиям. Когда факты и явления оказываются сведенными к фундаментальным категориям истины и приводятся в соответствие с требованиями конкретной нормы, исследователь удовлетворен работой. Любая каузальная последовательность, которая воспринимается как не соответствующая *предопределенным событиям*, считается отклонением. Таким образом, соответствие определенной логике событий создает адекватную основу для процедуры систематизации знания или построения схем развития. Целью, основной точкой приложения сил ученых, работающих в рамках этой классической традиции, является формулирование знания в понятиях абсолютной истины; и эта абсолютная истина есть факт духовного характера. Это означает, что реальность должна находиться в полном соответствии с соображениями просвещенных умов и здравым смыслом.

Развитие и усложнение этих изначальных заданных представлений о нормальности или о наличии причин, определяющих события, вероятно, заслуживает детального рассмотрения — от примитивного анимизма к изоциренным метафизическим дисциплинам, оперирующим понятиями судьбы, провидения, естественного порядка, естественных прав, естественных законов и основополагающих принципов. Здесь же необходимо подчеркнуть, что по своей природе и по психологическому содержанию эта устанавливающая некие рамки нормальность согласуется с фактами на уровне духовного. Во имя научных целей исследуемым фактам приписывается связь с духовным началом. Интерес представляет то, как это изначальное заданное представление о нормальности сосуществует с современной наукой и как оно утрачивает интеллектуальное превосходство и вытесняется представлениями о причинно-следственных связях, в основании которых лежат недуховные факторы. Это представляет интерес, поскольку проливает свет и на вопрос о том, каковы шансы, что архаическая культура сохранится в методологии экономической науки.

В примитивных условиях человек вступает в непосредственный личный контакт с материальными фактами окружающей среды; и ум, и сила индивида проявляются непосредственным образом в

его воздействию на окружающую среду и со всей очевидностью — в обустройстве условий жизни. В своей повседневной жизни примитивный человек не видит обезличенных и механических закономерностей в происходящих событиях, а если нечто подобное и наблюдается в процессах окружающей его дикой природы, то оно по большей части оказывается необъяснимым и считается загадочным. Эти события воспринимаются в качестве неблагоприятных или благоприятных и истолковываются на основе тех понятий, которые знакомы всем людям из их личного опыта, — понятий, основанных на знании, приобретенном людьми в процессе их деятельности. Загадочная смена времен года, движения сил природы воспринимаются как действия, которые, подобно человеческой деятельности, управляются неким разумом, волей, устремленной к некой цели. Процессы, происходящие в неживой природе, — это силы, свойства которых следует изучить, которые нужно сдерживать, обходить, а также использовать, подобно тому, как люди используют животных. В то же время размеры человеческих сообществ невелики, и соответственно контакты индивида с другими людьми ограничены. Раньше ни в производственной, ни во внепроизводственной жизни неумолимый обезличенный ход событий, сопротивляться которому или изменить который никому не дано, не был так очевиден для человека, как это имеет место на более поздних этапах развития человеческого общества, в более крупных человеческих обществах, живущих более сложной жизнью. Не существует никаких серьезных обстоятельств, которые препятствовали бы человеку формулировать свои знания о фактах и событиях жизни с позиций отдельной личности — в терминах привычек, склонностей и силы воли.

С течением времени и по мере удаления от архаической модели — когда это действительно происходит — условия, в которых человек осуществляет систематизацию фактов, изменяются таким образом, что обезличенный характер последовательностей событий все больше выходит на передний план. Расплата за неспособность к беспристрастным трактовкам фактов становится все более неотвратимой и скорой. Ход событий все более последовательно воздействует на умы людей. По мере расширения знания и поиска, человек все менее склонен усматривать в событиях направляющую руку или высший промысел. В современной жизни, особенно в индуст-

риальных странах, этот неизбежный сдвиг человеческого мышления в сторону большего реализма проявляется особенно ярко; он выражается в неохотном, но последовательном отходе от архаических представлений. Этот отход наиболее заметен и значителен в тех отраслях знаний, которые наиболее связаны с повседневной жизнью людей и непосредственно взаимодействуют с развитием современной техники — в таких, как инженерные и технологические дисциплины. Имея дело с технологическими процессами и последовательностями причин и следствий, эти отрасли знания продвинулись по такому пути (интеграции или дезинтеграции — в зависимости от точки зрения на этот вопрос) дальше других наук. Те же дисциплины, которые дольше были привержены архаическим представлениям, как, например, нравственные, социальные или гуманитарные науки, имеют дело с процессами и последовательностями, которые труднее проследить, прочувствовать, где не так очевидно, что ход событий обусловлен объективными причинно-следственными связями, а не целенаправленным воздействием внешней силы.

Переход от доэволюционных к постэволюционным представлениям не может быть скачкообразным. Даже в тех естественных науках, которые имеют дело с процессами в живой природе и эволюционными последовательностями событий, концепция объективной кумулятивной каузальности часто и значимо подкреплялась ощущением, что во всех этих процессах присутствует вектор движения к лучшему, который накладывает ограничения на характер и направление причинно-следственных связей. Вера в этот вектор как полезное для науки понятие постепенно ослаблялась и неоднократно оспаривалась; но сказать, что она ушла из научного оборота, было бы преувеличением.

Процесс изменения представлений, или понятий, в которых наиболее точно и полно воплощалось знание, происходит постепенно, и он, хотя и в разной степени, свойствен всем наукам. Экономическая наука не является исключением, но она по-прежнему апеллирует понятиями «естественного» и «нормального», «истины» и «тенденций», «регулирующих принципов» и «возмущений» слишком часто, чтобы ее можно было считать эволюционной наукой. История науки — это длинный и не прямой путь распада анимизма, от времени схоластов с их взглядом на ростовщичество сквозь призму

его соответствия божественным принципам, до физиократов, опиравшихся на понятия «*ordre naturel*» и «*loi naturelle*», в соответствии с которыми определялось, что является истиной и, устанавливая логические соответствия, управляет ходом событий. Некоторые изменения прослеживаются от Адама Смита, который нашел решение проблемы в регулирующих действиях «невидимой руки», к Миллю и Кэрнсу, которые сформулировали законы «естественной» заработной платы и «нормальной» ценности; Милль был настолько удовлетворен своей работой, что сказал: «К счастью, в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершенной»³. Но различия между ранними и позднейшими представлениями экономистов — это различия в степени, а не в сути.

Позиции, на которых стоят экономисты-классики, выходя на наивысший или завершающий уровень синтеза и обобщений, было бы уместным назвать формально адекватными. Сформулированные классиками законы были законами нормального, или естественного, состояния, к которому, в соответствии с их представлениями, в силу самой природы вещей устремлены все процессы. В результате возникает тенденция к формированию представлений, которые подготовленным, просвещенным общественным сознанием своего времени воспринимаются как адекватный или достойный результат человеческих усилий. Это проекция общепринятого идеала поведения, созданного для того, чтобы служить в качестве канона, причем такого, что исследователь удовлетворяется лишь апелляцией к признанию его в качестве данности, стоящей за фактами, с которыми он непосредственно имеет дело, и в качестве «руководящих принципов», которые, как считается, неосяземо присутствуют в основе изучаемых процессов, и в качестве «тенденций», определивших наблюдаемую картину. Примером проявления этого канона может служить история «гипотез», которые играют столь большую роль в классическом анализе институтов: утвердившиеся приемы расчетов в начале бартерных обменов воображаемых охотников, рыбаков и кораблестроителей, или человека с рубанком и человека с двумя рей-

³ *Mill J.S. Principles of Political Economy. 1848. Book III. Ch. I* <цит. по: Милль Дж. Основы политической экономии. Т. 2. М.: Прогресс, 1980. С. 172>.

ками, или человека с корзиной яблок и человека с корзиной орехов⁴. В этом же ряду стоят характеристики денег как «великого колеса обращения»⁵ или как «средства обмена». Деньги рассматриваются здесь не с точки зрения причинных связей, а с точки зрения той задачи, которую «в нормальном случае» они должны решать в соответствии с идеалом экономической жизни, избранным данным автором.

Особенно в работах более поздних авторов эта терминология, несомненно, должна была восприниматься лишь как удобная метафора, в которой концепция нормальности и целенаправленности процессов уже практически не присутствовала. Именно как образные выражения, применяемые при формулировке теории, классические понятия нормальности все еще присутствуют в современной экономической науке, но эта простая вещь — использование неопределенных выражений в качестве основополагающих понятий теории — не позволила экономике совершить переход в разряд современных наук. Метафоры полезны для проповеди и как средство, сберегающее усилия при изложении той или иной позиции. Они даже более полезны, чем могли предположить их авторы. С их помощью теоретик может без зазрения совести уйти от необходимости прояснения закономерностей, лежащих в основе причинно-следственных связей. Может он и без всяких опасений предлагать теории таких институтов, как деньги, или заработная плата, или землевладение, не опускаясь до рассмотрения реальных фактов, за исключением тех, которые легко подтверждают его схематические построения. Этот метод позволяет сформулировать теорию институтов или фаз жизни на основе принятого представления о некоем механизме, в котором и посредством которого развивается жизнь, о механизме, наделенном стремлением к равновесию в состоянии нормы, а также и теорию, описывающую условия, при которых это воображаемое равновесие достигается. Таким образом, мы оказываемся перед ли-

⁴ *Marshall A. Principles of Economics. Book V. Ch. II. L., 1980 <Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 2. Кн. 5. Гл. 2. С. 17. Примеч. 1>*.

⁵ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L.: Dell and Sons, 1887. Book II. Ch. II. <Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993. Кн. 2. Гл. 2. С. 418>*.

цом теории ценности, основанной на издержках производства, которая стремится заполнить собой все аналитическое пространство, подобно природе, не терпящей пустоты. Функционирование промышленности, а также ее материальная структура описываются с помощью общепринятого набора понятий, и наблюдаемые движения этого *механически* действующего объекта сводятся затем к нормализованной схеме отношений. Схема, к которой мы таким образом приходим, на некотором высшем уровне связана с поведением рассматриваемых объектов. В соответствии с этой нормализованной схемой изменения того или иного сегмента действующего объекта происходят в зависимости от ценности, придаваемой ряду предметов и характеристик, принимаемых в расчет; затем конструируется формально непротиворечивая формула, которая описывает почти всю сферу промышленности. Это метод дедукции. Затем формула проверяется путем сравнений с наблюдаемыми процессами, при этом для сравнения используется «нормальный случай»; и таким образом результаты получают подтверждение путем индукции. Характеристики процесса, которые не вписываются в интерпретацию по данной формуле, относятся к разряду «аномальных случаев» и объясняются воздействием помех. При этом вопрос о субъектах или силах, которые обуславливают процесс экономической жизни, старательно обходится. Результатом применения такого метода в лучшем случае является набор логически непротиворечивых суждений об относительно нормальных взаимосвязях предметов — система экономической таксономии. В худшем же случае это набор максимум предназначенных для ведения бизнеса и обсуждения спорных вопросов политики.

Таким образом, в экономической науке происходят процессы, являющиеся продолжением тех, что происходили в естественных науках некоторое время назад. В естественных науках таксономическая работа была и остается исключительно ценной, но ученых перестало устраивать стремление к симметрии и систематизации. Они стали задаваться вопросами о причинах (сущего и происходящего), и от рассмотрения структуры коралловых рифов они перешли к исследованию структуры и образа жизни полипов, живущих на них и рядом с ними. В области изучения растений работа по систематизации продолжается, но предметом исследований и дис-

куссий, которые ведут ботаники в настоящее время, является скорее биологическая значимость той или иной характеристики структуры, функции или материи, чем их таксономические аспекты. Все разговоры вокруг цитоплазмы, центросом и кариокинетического процесса свидетельствуют о том, что теперь исследования обращены к процессам жизни и нацелены на их объяснение в терминах кумулятивной каузальности.

Какую работу таксономического характера можно проделать в области экономической науки, наилучшим образом демонстрируют труды Кэрнса, в которых метод тщательно продуман, а результаты хорошо сформулированы и эффективно применены. Кэрнс мастерски обращается с представлением о нормальном в экономической жизни. Метафизическая идея о предначертанном характере процессов у него уже не определяет построение теории, а представление о тенденции к совершенствованию и гармонии интересов более не является отправной точкой при доказательстве легитимности сложившейся в данный момент экономической ситуации. В экономических работах Кэрнса в меньшей степени, чем у его предшественников, присутствует вера. Он все еще использует понятия нормальности и естественного закона, однако метафизика, которая стоит за его обращением к понятию нормальности, так далека от старого «естественного порядка», что стала, по крайней мере номинально, обезличенной и способной развиваться без постоянной оглядки на гуманитарную составляющую «тенденций», которые она формулирует. Эта метафизика свелась к чему-то, по своей обезличенности приближающемуся к такому пониманию естественного закона, которое свойственно натуралисту. Это естественный закон, который в виде «регулирующих принципов» накладывает ограничения на происходящее; но уже более не считается, что он накладывает ограничения в интересах некоторых внутренних целей человека. Идея блага в высоком смысле почти полностью изжита, и система сформулирована на основе своих собственных понятий. После Кэрнса, в частности его теоретических работ, экономическая наука почти превращается в таксономию ради таксономии.

Ни один столь же талантливый автор так не преуспел в превращении экономики в «идеально унылую» науку, как Кэрнс, когда он занимался теоретизированием о чистой науке. Во времена старых

экономистов-классиков экономическая наука питала живой интерес к рядовому обывателю и основывалась в своих метафизических изысканиях на здравом смысле. В руках более поздних представителей классической школы наука утратила значительную часть этой своей прелести. Она перестала быть выражением здравого смысла своего времени, как чего-то, заслуживающего внимания; по этой причине наука потеряла общественную поддержку, поскольку люди не способны интересоваться тем, что их не касается; кроме того, наука была далека от того реалистического или эволюционного способа мышления, который активно формировался в середине века в естественных науках. Экономика не занималась ни метафизикой жизни, ни эмпирическим анализом и почти не получала поддержки извне. В последней трети века наука вызывала интерес только у тех, кто, по счастливому стечению обстоятельств рождения или образования, оказался способным сохранить склонность к таксономии. В результате с того времени, когда таксономическая структура науки наконец выступила во всей своей законченности, целостности, симметрии и незыблемости, сами экономисты, начиная с Кэрнса, стали все больше тяготиться этой неизменностью и прикладывали немало усилий к тому, чтобы придать системе динамизм. Ученые классического направления стремились главным образом к созданию более законченной и полной схемы (происходящих) изменений. В это время идеалы таксономии были выброшены на свалку истории, при сохранении представлений, на которых они базировались. Позднее ученые австрийской школы выступили с теорией процесса, но к настоящему времени зашли в полный тупик, поскольку процесс, которым они решили заняться, не являлся, в соответствии с их собственным пониманием, кумулятивной или разворачивающейся последовательностью.

О чем все это свидетельствует? Если нас не устраивают доктрина заработной платы, подобная таксономии однодольных, и теория процента, схожая с описаниями споровых растений, всех их спиралевидных, гнездоразрывных, пушистых и нитевидных разновидностей, то *что* для нас может сыграть роль цитоплазмы, centrosомы или кариокинетического процесса, обращаясь к *чему* мы могли бы уйти от метафизических представлений о нормальном и о

регулирующих принципах? Что мы намерены делать в этой связи? Скорее даже: что мы делаем в этой связи? Существует процесс экономической жизни, который в большой степени нуждается в теоретическом анализе. Активный материал, в котором разворачивается экономический процесс, — это человеческий материал промышленного сообщества. Применительно к экономической науке процесс кумулятивных изменений, нуждающийся в объяснении, — это последовательность изменения способов, с помощью которых совершаются действия с материальными средствами жизни.

Что было сделано для постижения этого процесса экономической жизни? Пути и способы использования материальных объектов и обстоятельств в любой момент времени представляются исследователю как некие механические приспособления и устройства для достижения определенных механических целей. Поэтому было просто принять эти пути и способы в качестве неких приспособлений, имеющих ту или иную механическую структуру и, таким образом, служащих материальным целям человека. Как таковые они были описаны и классифицированы экономистами под общим названием капитала, причем капитал понимался как масса материальных объектов, предназначенных для использования человеком. Этого вполне довольно для целей таксономии, но это не метод рассмотрения предмета при разработке теории развития. При решении последней задачи, рассматриваемые как предметы, задействованные в процессе кумулятивных изменений, или как элементы схемы жизни, эти производительные блага являются воплощением человеческих знаний, навыков и пристрастий; т.е. они являются, по существу, преобладающим образом мысли и именно в этом качестве включаются в процесс индустриального развития. Физические свойства материалов, доступных человеку, неизменны: изменяется человек, его понимание, его представление о том, как они могут использоваться в целях развития. Накопление благ, уже доступных человеку, определяет то, как он обращается с имеющимися материалами и использует их, но даже с этой точки зрения — с точки зрения «ограничений промышленности со стороны капитала» — ограничением является то, что человек в состоянии делать, и методы, которыми он при этом пользуется. Изменения, происходящие в технических средствах, — это выражение изменений в человеке. Изменения в материальных

объектах порождают дальнейшие изменения только через человека. Источник непрерывности, целостности развития следует усматривать в человеческом материале; поэтому, если движущие силы процесса экономического развития вообще следует изучать, то их нужно изучать именно здесь. Если науке суждено перейти в разряд эволюционных наук, ее предметом должна стать экономическая деятельность.

Во всем этом нет ничего нового. Но известность данного факта делает его еще более значимым. Это факт, получивший всеобщее признание в ходе большинства последних дискуссий, и такое признание является существенным шагом к тому, чтобы сосредоточить на данном факте исследования и обсуждения. Если экономика будет развиваться по тому же пути, что и другие науки, изучающие процессы жизни, то общее направление, по которому следует двигаться, ясно.

Экономисты классического направления не совершили никаких серьезных попыток расстаться с таксономическим подходом и привнести в свою науку генетический подход к описанию жизни. Как уже говорилось, это в большой степени верно и в отношении исторической школы. Представители последней пытались рассматривать процесс развития, но при этом тяготели скорее к додарвинистской линии рассуждений, чем к той, которую современная наука сочла бы эволюционной. Их исследования имели описательный характер и не были генетическим анализом разворачивающегося процесса. В своей работе они, несомненно, добились результатов, имеющих непреходящую ценность; но достигнутые результаты вряд ли можно квалифицировать как экономическую теорию. С другой стороны, австрийцы и их предшественники, а также их сторонники в дискуссии о ценности, сосредоточились на отдельной части экономической теории и с большой тщательностью изучили процесс возникновения некоторых явлений в пределах этого ограниченного (исследовательского) поля. Всю дискуссию о предельной полезности и субъективной ценности как о результате процесса оценивания следует рассматривать как генетическое исследование фактов определенного типа. Но и в этом случае с точки зрения реабилитации экономической теории как целого эта дискуссия никаких плодов не принесла. Исходя из того что выразителем позиции австрийцев по

этому кругу вопросов был Карл Менгер, следует сказать, что в целом они обнаружили неспособность порвать с классической традицией, представляющей экономику как таксономическую науку.

Причина этой неудачи австрийской школы, по-видимому, заключается в ложной концепции человеческой природы — ложной с точки зрения данной цели, однако, возможно, вполне адекватной другим задачам. Во всех имеющихся формулировках экономической теории, разработанных как английскими экономистами, так и учеными континентальной Европы, человек рассматривается с позиций гедонизма; иными словами, он представляется как пассивная и инертная, а также неизменная в своей данности человеческая сущность. Физиологические и антропологические концепции, из которых исходили экономисты, использовались уже несколькими поколениями исследователей в психологии и социальных науках. Гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, который вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он представлен изолированным субъектом, находящимся в устойчивом равновесии, которое нарушается лишь под ударами внешних сил, перемещающих его то в одном, то в другом направлении. Удерживающий равновесие в пространстве стихии, он симметрично вращается вокруг собственной духовной оси до тех пор, пока не окажется во власти параллелограмма сил и не последует в направлении результирующей. Когда сила толчка исчерпывается, он приходит в состояние покоя, в прежнее состояние глобулы желания. В духовном отношении гедонист не является инициатором перемен. Не на нем держится процесс жизни, он, разве что, является объектом серии изменений, которые производят с ним обстоятельства, по отношению к нему внешние и чужеродные.

Современная психология, получившая новое подкрепление от новейших антропологических исследований, предлагает иное понимание человеческой природы. В соответствии с этой концепцией человеку свойственно что-то делать, а не просто наслаждаться и страдать под воздействием неких сил. Он не просто сгусток желаний, подлежащих удовлетворению в результате взаимодействия с

внешней средой, а гармоничная структура склонностей и привычек, которая реализуется и выражается в процессе деятельности. В соответствии с этим взглядом человеческая деятельность, и в том числе экономическая, не рассматривается как нечто вторичное по отношению к процессу удовлетворения тех или иных желаний. Деятельность сама по себе представляется явлением существенным, а желания, к ней побуждающие, являются проявлением темперамента и определяют конкретное направление деятельности в том или ином случае. Для индивида, рассматриваемого как агента, предпринимающего некие действия, эти характерологические условия играют основную и решающую роль, определяя его позицию в этом процессе. Однако с точки зрения науки они представляют собой элемент рамок, в которых мыслит агент, результат предшествовавшей жизни. Они порождаются наследственностью и опытом агента, приобретенным под воздействием традиций, принятых конвенций и материальных условий; они же формируют условия для следующего шага в этом процессе. Экономическая история жизни индивида — это кумулятивный процесс адаптации средств к целям, изменяющимся по мере развития процесса, когда и агент, и окружающая его среда являются результатами предшествующего процесса. Методы, с помощью которых он устраивает свою жизнь на сегодняшний день, продиктованы привычками, перенесенными им из дня вчерашнего, а также материальными условиями вчерашней жизни.

Утверждения, касающиеся индивида, справедливы и в отношении группы, в которой он живет. Все экономические изменения — это изменения в хозяйственном сообществе, в методах, с помощью которых оно использует материальные предметы. Изменения в стереотипах мышления человека происходят при этом в последнюю очередь. Это верно даже в отношении технических аспектов развития промышленности. То или иное техническое устройство, предназначенное для решения каких-либо материальных задач, воздействует на дальнейшее развитие стереотипов мышления — привычных методов — и таким образом становится отправным пунктом как для дальнейшего развития способов достижения выдвинутых целей, так и для последующих изменений в самих целях. В этом процессе постоянных изменений не существует безусловно адекватного способа жизни, окончательных или абсолютных целей, ко-

торые могла бы рассматривать наука, чьей задачей является формулировка теории процесса экономической жизни. Сухим остатком является деятельность, направленная на достижение некоей объективной цели. Экономическая деятельность обладает телеологическими свойствами, в том смысле, что люди всегда и везде стремятся что-нибудь сделать. В чем именно эта деятельность заключается, невозможно определить без ее детального исследования; но коль скоро мы должны рассматривать жизнь человека как члена хозяйственного сообщества, нам приходится иметь дело с родовой характеристикой его деятельности как разворачивающейся деятельности телеологического типа.

Она может являться или не являться телеологическим процессом в смысле направленности на достижение какой-либо цели, квалифицируемой исследователем или сообществом исследователей как достойная или адекватная. Ответ на вопрос о том, является она таковой или нет, не входит в задачи данного исследования, и этот вопрос не представляет интереса для эволюционной экономики. Вопрос о наличии тенденций в развитии событий, очевидно, не возникает иначе, как из предпосылки или предположения о существовании субъекта, осуществляющего наблюдение за этой тенденцией. Поиск тенденции может опираться на идею о существовании безусловной цели, которую необходимо достичь, или на представление о правильном направлении развития событий. Это представление о верном направлении развития не предполагается эволюционной наукой, оно лежит вне ее предметного поля, которое образуют причинно-следственные связи тех или иных процессов. Поэтому в рамках эволюционного подхода не остается места для формулировки естественных законов в терминах фиксированной нормы, как в области экономики, так и в любой другой области исследований. Нет места и для другого вопроса, касающегося понятия нормального, — вопроса о том, какой должна быть цель обсуждаемого процесса развития.

История экономической жизни любого сообщества — это история его жизни, коль скоро она формируется интересом человека к материальным жизненным средствам. Этот интерес во многом определял и культурный рост всех сообществ. Прежде всего и очевиднее всего он влиял на формирование и общий рост того ряда кон-

венций и способов жизни, которые теперь преобразовались в институты; но тот же самый интерес пронизывал жизнь сообщества и его культурный рост и там, где возникшие в результате структуры не являются преимущественно и непосредственно структурами экономического характера. Экономический интерес сопровождает всю жизнь человека; будучи частью жизненного пути, он пронизывает и процесс культурного развития. Он повсеместно воздействует на культуру, так что можно утверждать, что все институты в некоторой степени являются экономическими институтами. Это именно так, коль скоро основой действия, его отправным пунктом, на любом этапе процесса является органический комплекс способов мышления, сформировавшийся в ходе прошлого процесса. Экономический интерес не изолирован, он лишь один из нескольких трудно поддающихся изоляции интересов, на которых основывается телеологическая деятельность индивида. В каждом случае индивид — лишь единичный агент, и он включается в каждый вид последовательной деятельности как целое, хотя отдельные цели, преследуемые при этом, могут достигаться на основе отдельных интересов, таких, как экономический, эстетический, сексуальный, гуманитарный, религиозный. Поскольку каждый из этих интересов является гранью единого агента — человека, с присущим ему комплексом способов мышления, выражение каждого из них находится под влиянием обычаев, сформированных с участием остальных. Поэтому существует ряд культурных явлений, которые не поддаются дроблению и могут быть четко обозначены как экономические институты, хотя категория «экономические институты» используется для обозначения тех институтов, в которых экономический интерес находит самое прямое и последовательное воплощение и экономическое происхождение которых проявляется наиболее непосредственно и с наименьшими ограничениями.

Из всего сказанного следует, что эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса. Если бы позволяло место, здесь следовало бы поподробнее рассмотреть попытки, предпринятые современными экономистами в этой области, с тем чтобы показать, в каком направлении

развивается соответствующая дискуссия. Очевидно, что сделано немало и большую часть проделанной работы с точки зрения указанной цели следует считать эффективной. Так, большая часть работы, проделанной исторической школой, и особенно ее позднейшими представителями, слишком значима для того, чтобы обходить ее молчанием, даже учитывая ограниченный объем статьи.

Теперь мы готовы вернуться к вопросу о том, почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной. Непременной целью таковой дисциплины должно быть рассмотрение кумулятивного процесса формирования экономического интереса в контексте культурного развития. Она должна быть теорией процесса экономической жизни расы или сообщества. Экономисты опираются на гедонистическую концепцию человеческой природы и человеческой деятельности, а концепция экономического интереса, предлагаемая гедонистической психологией, не обеспечивает достаточного материала для теории развития человеческой природы. В рамках гедонистической концепции экономический интерес не рассматривается в терминах действия. Поэтому она не предполагает и его рассмотрения и оценки с точки зрения кумулятивного развития способов мышления и, даже при наличии такого стремления, не способствует применению эволюционного метода. В то же время антропологические представления, характерные для обыденного понимания человеческой природы, к которым обычно апеллируют экономисты, не заставили их рассматривать человеческую природу с точки зрения кумулятивного процесса развития обычаев. Эти заимствования позволили использовать понятие нормализованных гипотетических оснований при анализе примитивного обмена, с которыми знакомы все читатели экономической литературы, а идеи нормализованных конвенций — при исследовании происхождения земельной собственности и земельной ренты или в философско-социологических дискуссиях о «функциях» различных классов в жизни общества или народа.

Экономика пока не встала на исходные позиции и точку зрения, необходимые эволюционной науке. Экономисты не располагали соответствующими материалами, и ничего, что могло бы подтолкнуть развитие событий в таком направлении, не произошло. Даже если это было бы возможно — в любой момент повернуть в

направлении эволюционного подхода в экономике, вероятность такого поворота невысока. До тех пор пока факты рассматриваются преимущественно с таксономических позиций и материал допускает применение этого метода, таксономический метод оказывается самым простым, приносит заметные и быстрые результаты и наилучшим образом вписывается в существующее знание о рассматриваемом предмете. Такова ситуация в экономике. Другие науки той же группы также принадлежали к разряду таксономических дисциплин, и в них отход от проверенных методов осуждался как показное новаторство. По протоптанным дорогам идти легко, они приводят в хорошую компанию. Продвижение по этим дорогам облегчает признание проделанной работы. Отклонение же от них означает экспериментирование, дающее отдаленные и фрагментарные результаты, ценность которых трудно предвидеть.

Только когда методы, используемые наукой, и синтез, являющийся результатом их применения, не согласуются с образом мышления, преобладающим при рассмотрении других проблем, ученого перестают устраивать имеющиеся в его области методы и точки зрения, и он ищет выход из этой ситуации. Как и другие люди, экономист — индивид, интеллект которого един. Он воплощает в себе обычаи и склонности, полученные от предшественников в виде традиций и культуры, продуктом которых он является; образ мышления человека, сформированный опытом, который он приобретает в одной какой-либо области, влияет на его представления о явлениях в других областях. Методы наблюдения и работы с фактическим материалом, почерпнутые благодаря постоянному обращению к общему знанию, постепенно проникают в любую из специальных областей. Процесс их признания может происходить медленно; в тех случаях, когда это предполагает переход к новому, он может вызывать сопротивление. Но если эти методы в течение продолжительного времени подкрепляются основной частью опыта общего характера, их преобладание в специальных областях является лишь вопросом времени. Подходы и методы выявления связей, которыми мы вынужденно пользуемся при рассмотрении и усвоении фактов на более элементарных уровнях знания, где фигурируют грубые факты, применяются и в случаях, когда внимание направлено на процессы, с которыми имеет дело экономика. Разнообразие и объем

фактов, к которым обычно применяются методы, отличные от традиционно применяемых экономической наукой, настолько велики — с этим часто приходится сталкиваться, — что мы стремимся к новым фактам применить эти новые методы и таким образом ввести их в научный оборот.

В основном в современном знании факты присутствуют в качестве каузальных последовательностей. Это особенно верно в отношении знания, касающегося простых фактов, которое важно для современной промышленности. Людям, глубоко приверженным этому реалистическому способу мышления, законы и теоремы экономической науки, равно как и других наук, рассматривающих нормальное течение событий, представляются нереалистическими и пустыми, исключаящими какой-либо серьезный интерес к их обсуждению. Законы и теоремы считаются нереалистическими, поскольку они не могут быть сформулированы в понятиях, используемых этими людьми при обращении к фактам, с которыми им приходится сталкиваться. Подобный реалистический настрой и соответствующие методы сегодня проникли на высшие уровни научного знания и даже в области науки, работающие с тем же человеческим материалом, который составляет предмет экономической науки, и сами экономисты начинают чувствовать нереалистичность своих теорем о «нормальных случаях». Если практические нужды современной индустриальной жизни будут сохранять те черты, которые присущи им сейчас, и, таким образом, будут способствовать утверждению объективных методов познания, вопрос о вытеснении из экономических исследований способа мышления, основанного на понятии фиксированной нормы (по существу анимистического), способом мышления, нацеленным на рассмотрение фактов в терминах причинно-следственных связей (по существу материалистическим), будет лишь вопросом времени.

Последний способ восприятия фактов и их анализа может быть лучше или хуже, более или менее значимым и адекватным, чем предыдущий, может в большей или в меньшей степени отвечать формальным или эстетическим требованиям, может вызывать сожаления по поводу вторжения незрелых способов мышления в область профессиональной деятельности, — но все это находится за рамками нашего рассмотрения. Под давлением потребностей современ-

ной технологии способы повседневного мышления человека развиваются в направлении, приближающемся к методам, которые в науке формируют эволюционный подход, и знание, получаемое на более высоком уровне устаревшими методами, становится для них чуждым и лишенным смысла. Социальным и политическим наукам придется двигаться в этом направлении, поскольку они уже оказались на этом пути.

Перевод с английского Е. Виноградовой

© Перевод на русский язык. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006